

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

АРТЕФАКТЫ С ВОЕННЫМИ «ШРАМАМИ» И ИХ СТАТУС В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ Г. СЕВАСТОПОЛЯ И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Леонов И. В., Кириллов И. В.

***Аннотация:** Представленная статья посвящена изучению особенностей артефактов, которые несут на себе следы воздействия войн. Указанные воздействия, внедряющиеся в органику и «смысловую ауру» памятников культурного наследия, во многом противоречат их природе. На этом основании многие практики работы с отметинами, которые памятники получают в ходе войн и вооружённых конфликтов, направлены на удаление указанных следов и возвращение артефактов в их «эталонное» состояние. Однако «шрамы» войны, которые порой содержат артефакты, могут выступать как «места памяти», повествующие о важных аспектах историко-культурного прошлого. Артефакт со следом военного воздействия может стать свидетелем значимых событий, – что усложняет историко-культурную структуру данных памятников. На примере памятников г. Севастополя и Республики Крым даётся характеристика основным стратегиям, применяемым в работе с объектами культурного наследия, несущими на себе военные отметины. Указывается на значимость сохранения некоторых следов войн на памятниках культурного наследия для фиксации мест памяти и реализации коммеморативных практик в интересах сохранения отечественной исторической памяти и противодействия вмешательствам, направленным на размывание российской историко-культурной матрицы.*

***Ключевые слова:** историко-культурное наследие; Крым; Севастополь; Крымская война; Великая Отечественная война; «место памяти»; след войны.*

Сфера культурного наследия включает в себя многочисленные памятники со следами повреждений, которые они получили в ходе истории, при различных перипетиях, катаклизмах, трагических обстоятельствах. В области работы с культурным наследием, как правило, отношение к подобному рода повреждениям сводится к их негативному восприятию; преобладает желание вернуть артефакту «эталонный», «первозданный» вид. Тем не менее бывают ситуации, когда повреждения, полученные тем или иным памятником, обретают значимость, предстают как элементы, «усиливающие», дополняющие артефакт. Указанная ситуация во многом парадоксальна, поскольку дефект, который может восприниматься как подлежащий устранению, способен

органично «войти» в материальную форму и смысловую «ауру» артефакта, придавая ему особый статус [подробнее об этом см.: 1].

Подобного рода повреждения достаточно часто являются результатом воздействия войн и иных вооружённых конфликтов. Сказываясь на материальной компоненте памятников, а также отражаясь на их нематериальной стороне, военные «шрамы» отличаются особой степенью влияния на человека, нередко пробуждают глубинные пласты его психоэмоциональной сферы. Реальность шрамированного памятника предстаёт в воображении с особенным драматизмом; повреждение, которое несёт на себе памятник, способно выступать как средоточие его исторического опыта и перенесённых «страданий». Нередко такого рода повреждения выступают как «зацепки» для мыслительной реконструкции и моделирования значимых сюжетов в исторической реальности артефакта [см., например: 2].

Ярким примером рассматриваемой группы памятников выступает «дом с ядрами» (дом инженер-полковника Савина) в г. Севастополе, в стенах которого сохранены несколько застрявших чугунных ядер времён Крымской войны 1853–56 гг.; указанные боеприпасы после войны намеренно были оставлены в стенах дома его владельцем и являются известной севастопольской достопримечательностью и наглядным, зримым свидетельством героической обороны города [3, с. 77]. Подобного рода отметины существенно влияют на восприятие памятников историко-культурного наследия, повествуя об их историческом опыте. «Пострадавший», шрамированный объект может восприниматься как свидетель и даже участник определённых событий, следы которых запечатлены в его «теле». Людям свойственно «очеловечивать» объекты, с которыми они взаимодействуют; шрамированные памятники нередко воспринимаются как заслуженные ветераны, которые перенесли вместе с народом разного рода тяготы и лишения. Раненый артефакт, искалеченный осколками, обгоревший, подвергшийся разграблению и вандализму, нередко обладает колоссальным авторитетом в глазах потомков – как субъект ушедших событий [4, с. 198]. Шрам на теле артефакта подобен шраму на теле человека. В указанном плане уместно сослаться на весьма устойчивый архетип восприятия шрамов, проявляющийся во многих культурах и выраженный в том, что шрам свидетельствует о мужественности, стойкости, способности преодолевать боль и других подобных качествах его носителя. Военный шрам указывает на наличие опыта, который для многих сообществ обладает высокой степенью значимости. Проявления данного архетипа встречаются достаточно часто, в том числе и в художественной культуре. Показателен, например, следующий фрагмент из повести Г.Я. Бакланова «Пядь земли»: «Под правой лопаткой у Бабина старый, затянувшийся коричневой кожей широкий шрам. На плече круглая вмятина толщиной в палец – след пули. Когда он подымает руку – вмятина становится глубже. Весь послушной список на теле, стоит только рубашку снять» [5, с. 138–139].

Шрам, формирующий «реальность» памятника и отражающий его исторический опыт, синтезирует воспоминания. Выражаясь терминологией П. Нора [6], возникает «место памяти», которое участвует в формировании общей ткани сведений о прошлом

(как реальности самого артефакта, так и исторической памяти в целом), – поскольку память, складываясь в определенные пространственно-временные фигуры, закрепляется при этом в соответствующих «гнездах», «точках гравитации», памятных местах или зацепках памяти. Указанные места, будучи значимыми скоплениями воспоминаний о прошлом, пересекаясь друг с другом, «наслаиваясь» друг на друга, усиливая друг друга, способствуют формированию целостного образа ушедшей реальности. В этом свете можно указать, что память о прошлом, в частности о тех или иных войнах и вооружённых конфликтах, может «усиливаться» и поддерживаться через выявление, сохранение и «культивацию» памятных мест. След войны выступает как подлинный свидетель истории, её убедительное и осязаемое проявление, – а потому фиксация данных следов может стать чрезвычайно действенным механизмом сохранения и трансляции исторической памяти.

Артефакты, содержащие военные шрамы, имеются во многих российских городах, сёлах, иных локациях. В ряде случаев они выявлены, атрибутированы и активно используются в коммеморативных практиках разного рода. При анализе отечественного опыта по части работы с памятниками, которые содержат следы воздействия Великой Отечественной войны, становится понятно, что в 1940–60-х гг., когда страна преодолевала последствия военной разрухи, следы войны в основном ликвидировались. Поколение, которое прошло войну и помнило её, стремилось преодолеть материальные проявления войны, преимущественно стерев их, наладить мирную жизнь и быт, – храня вместе с тем в памяти военные тяготы. В указанный период работа со многими артефактами велась с позиции практики возвращения состояния, которое реставраторы считали эталонным (что закреплено было и в нормативных документах, например, в «Инструкции о порядке учета, регистрации и реставрации памятников архитектуры» 1949 г., которая предписывала восстанавливать или воссоздавать памятник в его изначальной форме или в другом виде, в каком артефакт находился на определенную научно обоснованную оптимальную дату [см.: 7]). Такое отношение к военным отметинам проявлялось и во многих произведениях советской художественной культуры – вспомним, например, ахматовские строчки:

«Мы раз навсегда сотрем следы
Войны, –
чтоб жизнь созидать» [8, с. 139].

Но уже в первые десятилетия после войны стали проявляться и официальные практики её мемориализации с помощью сохранения и консервации военных шрамов. Один из самых значительных артефактов такого рода – Брестская крепость, гарнизон которой в первые недели войны исключительно упорно и настойчиво сопротивлялся гитлеровским захватчикам. На стенах Брестской крепости можно увидеть многочисленные отметины от артиллерийских снарядов, авиабомб, пуль и воздействия огнемётов. В музейных пространствах, которые в настоящее время находятся в крепости, также представлены артефакты со следами военного опыта (оружие, боеприпасы, предметы обмундирования, иные военные аксессуары, личные вещи защитников крепости и т.д.). В качестве примера

также можно упомянуть мемориальные доски, которые были размещены в Ленинграде в память о немецком артиллерийском терроре: в блокадные годы город подвергался интенсивным обстрелам, вследствие которых погибло свыше 16 тыс. человек и был нанесён огромный материальный урон Ленинграду – пострадали многие памятники историко-культурного наследия, некоторые из которых были безвозвратно утрачены. В память об указанных обстрелах на Исаакиевском соборе, Спасе на Крови и Аничковом мосту сохраняются следы от осколков снарядов; рядом с этими шрамами размещены памятные доски с надписями: «Это следы одного из 148478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–44 гг.». Аналогичные коммеморативные практики существуют и в других российских городах.

Укажем, что практики сохранения военных отметин на памятниках, которые распространены в современной России, выглядят несколько иначе, чем полвека назад. Не в последнюю очередь это связано с тем, что наших сограждан, которые помнят Великую Отечественную войну непосредственно, становится всё меньше и меньше. Кроме того, сокращается и количество материальных свидетельств войны. Подавляющее большинство носителей российской культуры знакомо с данным историческим феноменом опосредованно – через фильмы, кинохронику, произведения художественной литературы, мемуары и т.д. На современном этапе в связи с отдалением событий Великой Отечественной войны в прошлое весьма актуальным становится вопрос выявления, сбережения, актуализации и приумножения мест, которые напоминали бы потомкам победителей о тех трагических и славных временах. На этом фоне общественный статус памятников, которые содержат военные шрамы, усиливается, – они всё чаще воспринимаются как непосредственные свидетели войны и значимые места памяти.

Множество подобных памятников есть на Крымском полуострове, богатая и сложная история которого включает ряд войн и иных вооружённых конфликтов, – в том числе и события Крымской войны 1853–56 гг. и Великой Отечественной войны 1941–45 гг.

Одним из таких памятников является Михайловская береговая батарея (ныне Музейный комплекс «Михайловская батарея») в Севастополе, на постройках которой содержатся многочисленные глубокие выбоины и трещины, оставленные немецкими снарядами. Реконструкция, произведённая в 2010-х гг., была проведена достаточно деликатно, со вниманием к сигнации аутентичного материала, с сохранением военных шрамов; во внутреннем дворе батареи сохранены руины открытой кладки [9, с. 311, 313]. Явные и хорошо «считываемые» следы от снарядов содержатся также на стенах 35-й береговой батареи (также превращённой ныне в музейный историко-мемориальный комплекс). Военные шрамы сохраняются и на севастопольском форте Литер «А-5» [3, с. 82].

До недавнего времени сохранялись многочисленные военные отметины на севастопольском Владимирском соборе – одном из самых значимых городских памятников, в котором покоится прах прославленных адмиралов В.П. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина и М.П. Лазарева. Зданию собора в годы Великой Отечественной войны был нанесён большой урон – был разрушен северный фасад,

поврежден крест, крыша, пострадало внутреннее убранство, включая росписи [10, с. 108]. В ходе реставрации, которая завершилась в 2014 г., большинство военных шрамов было устранено, однако на некоторых элементах (на одной из храмовых колонн и на небольшом фрагменте стены) они были сознательно сохранены [11]. (Заметим, что аналогичный пример фрагментации военного шрама на значимом в художественном и духовном плане памятнике представляет кронштадтский Морской Никольский собор, главный храм Военно-морского флота России. В указанном храме на полу имеется след, оставленный неразорвавшимся немецким снарядом в 1943 г.; отметина накрыта стеклом, на котором имеется соответствующая разъяснительная надпись. Фиксация такого рода следов явно «усиливает» культовые здания, иллюстрирует многослойность их истории, свидетельствует о неразрывной связи истории Русской православной церкви с историей страны).

Обращает на себя внимание и другой севастопольский памятник – построенная ещё византийцами древняя крепость Каламита, стены которой помнят многие драматические события. Во времена Крымской войны Каламита выступала в качестве опорного пункта инкерманских позиций русской армии, – вследствие чего в неё попадали ядра и штыцеры пули [12, с. 161–162]. В 1942 г. возле Каламиты также шли бои, рядом с крепостью держали оборону бойцы 25-й стрелковой дивизии им. В.И. Чапаева. В настоящее время Каламита находится в руинированном состоянии – вследствие военных потрясений и иных перипетий [13, с. 206-207].

Заслуживают внимания и многочисленные военные повреждения, которые содержатся в Керченской крепости [14], редюит которой буквально испещрён следами от осколков. Аналогичные повреждения имеются и в Аджимушкайских каменоломнях, в которых в 1942 г. на протяжении нескольких месяцев шли бои окружённых советских бойцов с немецкими оккупантами. Каменоломни в настоящее время музеефицированы и являются частью Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. На входах в каменоломни сохраняются многочисленные следы от пуль и снарядов; на поверхности над каменоломнями можно увидеть многочисленные воронки, которые являются следствием подрывов кровли противником [15; 16, с. 78, 80, 81].

Севастополь был дважды разрушен войнами – в 1854–55 гг. и в 1941–44 гг. Тем не менее, в нём сохранилось некоторое количество построек, которые пережили Великую Отечественную войну; существуют и здания, которые перенесли обе великие обороны – помимо уже указанных построек, к ним относятся, например, Петропавловская церковь, Башня Ветров (бывшая вентиляционная шахта Морской библиотеки), дом Волохова, дом Берга, дом Карпова. Эти дома не содержат в настоящее время буквальные шрамы – военные отметины в случае с ними имеют нематериальное выражение и отражаются исключительно на уровне «смысловой ауры» артефактов, которая впитала определённый опыт и события. «Воображаемая реальность» данных памятников непременно включает их травмированные, полуразрушенные состояния – как существенные этапы их биографии, как часть их «провенанса». Даже будучи стёртым, шрам остаётся в памяти, будоража воображение и напоминая о былом. Зданий с нематериальными шрамами

в Севастополе множество: достойны упоминания и Покровский собор, южная часть которого в годы Великой Отечественной войны была разрушена [3, с. 54], и Свято-Никольский храм на Братском мемориальном кладбище [3, с. 110], и мечеть Акъяр Джамии [17, с. 346], и здание музея Черноморского флота, и многие другие объекты. Укажем также, что пострадали и были восстановлены после войны с существенными изменениями здание главного универмага Севастополя, известное многим как дом Анненкова [3, с. 75], и расположенный между ул. Шмидта и Адмирала Октябрьского так называемый «квартал жилкомбинатов» [3, с. 53].

Весьма примечательно высказывание известного севастопольского архитектора, краеведа и литератора Е.В. Венিকেва: «Что можно сказать о Севастополе 1944–1945 гг.? На весь город несколько домов, вернее, стен под крышами, густо иссечённых осколками. Кое-где из них выступают стены и даже перекрытия на уровне первого этажа. <...> Севастопольцам хотелось поскорее расчистить и умыть город, стереть с него военную пыль и гарь – глазам было больно от ран его и шрамов. Никто не хотел памяти об ужасах, о горестях, и их старательно стирали с лица земли. Сейчас всем нам бесконечно жаль, что ни осталось в городе ни одного разбитого здания – свидетеля не только великой трагедии, но и великого мужества. Очень жаль!» [3, с. 31]. (Тем не менее, Е.В. Венিকেв указывал, что в Севастополе сохраняется в руинированном состоянии, разрушенный во время войны усадебный комплекс Максимова дача [3, с. 87]; очевидно, по причине того, что данный объект находится на бывшей городской окраине, краевед выводил его за скобки).

В контексте рассматриваемого вопроса следует упомянуть про многочисленные севастопольские монументы, пострадавшие в 1941–44 гг. Во время оккупации Севастополя гитлеровцы разрушили памятник адмиралу В.А. Корнилову – взорвали его гранитный постамент, а бронзовые части отправили на переплавку. На протяжении долгих лет на месте разрушенного памятника севастопольцы и гости города могли видеть только глыбы, оставшиеся от разрушенного постамент, и крест из ядер рядом с ними. Лишь в 1983 г. памятник был воссоздан – с максимально точным соответствием оригиналу [18, с. 92]. Также во время Великой Отечественной войны получил тяжёлые увечья памятник генералу Э.И. Тотлебену – в ходе артиллерийского обстрела памятнику оторвало голову, и он на протяжении некоторого времени стоял обезглавленным [19, с. 69]. Пострадали в 1941–44 гг. и другие севастопольские монументы, например, памятник матросу И.В. Шевченко [19, с. 68], памятник А.И. Казарскому (который во время войны лишился ранее окружавшей его чугунной решётки фигурного литья с орнаментом из якорей и венков [19, с. 64]), памятник на братской могиле участников восстания на крейсере «Очаков» [18, с. 129–130].

Разумеется, в годы войны получали повреждения не только архитектурные постройки и монументы – так, в июне 1942 г. в результате немецкой бомбардировки существенно пострадала и была частично утрачена живописная панорама «Оборона Севастополя в 1854–55 гг.» [подробнее об этом см.: 20]. Для воссоздания панорамы после войны потребовалось проведение многолетних реставрационных работ. (Здание

музея-панорамы тоже пострадало и в послевоенные годы было восстановлено).

Анализ рассматриваемой проблематики показывает, что во многих случаях очевидные следы военных повреждений на тех или иных объектах не атрибутированы должным образом. Информация об указанных артефактах порой не популяризируется, и многие шрамы по сути пребывают в забвении, в «нераскрытом» виде. Укажем, к примеру, на храм Святого Илии в Евпатории, на стене которого содержится след артиллерийского снаряда, вероятнее всего оставленный в годы Великой Отечественной войны (рядом с храмом в 1942 г. состоялась высадка Евпаторийского десанта). Многочисленные отметины от снарядов и пуль имеются на стенах казематов и оружейных укрытий Южного форта в Балаклаве (по этим следам можно представить ожесточённость боёв, которые происходили 80 лет назад), – тем не менее, общедоступные сведения о военных шрамах, содержащихся на этом объекте, встречаются только в публицистике и на туристических ресурсах. Вызывает некоторую тревогу и то, что документально подтвержденные и предположительные следы военных воздействий нередко ликвидируются в ходе строительных и ремонтных работ (например, есть упоминания о том, что до начала 2010-х гг. следы от осколков сохранялись на частных домах в Инженерной балке (г. Севастополь), но в наше время они стёрты; подобные случаи происходят и в Санкт-Петербурге, и в Волгограде, и в других российских городах). При этом необходимо подчеркнуть, что сохранение всех изучаемых повреждений на артефактах нецелесообразно, но сбережение и мемориализация части из них может быть вполне обоснована. Авторы статьи считают, что многие из этих следов заслуживают научного изучения – на предмет установления характера повреждений и времени, когда они случились. Представляется, что должна вестись регулярная деятельность для уточнения природы указанных воздействий (посредством работы в архивах, привлечения экспертов-криминалистов и т.д.); а в будущем такие отметины (по крайней мере некоторая их часть) должны получать официальный охраняемый статус и использоваться в интересах национальной мемориативной политики [21, с. 190–191].

Приведённый обзор показывает, что Крымский полуостров содержит внушительное количество объектов историко-культурного наследия, несущих на себе следы войн и вооружённых конфликтов. Во многих случаях указанные шрамы обретают большое общественное значение. Тем не менее, на сегодняшний день говорить о наличии единственно верной стратегии в отношении работы с рассматриваемыми памятниками нельзя. Решение о выборе оптимальной стратегии в отношении каждого такого артефакта зависит от множества переменных: количества шрамированных военных памятников в конкретной местности, социальной значимости артефакта, уровня его сохранности, вписанности памятника в определённую ансамблевую группу или ландшафт, от историко-культурной целостности того или иного «слоя» артефакта, испытавшего метаморфозы в ходе своей истории, и от много другого. В результате военные шрамы на некоторых артефактах ликвидируются, на других сохраняются частично, на третьих – полностью.

В то же время анализ данного вопроса показывает значимость сохранения следов воздействия войны на определённых объектах – либо полного, либо фрагментарного.

Такого рода артефакты становятся действенным средством сохранения, культивирования и «закрепления» исторической памяти.

Указанная проблематика приобретает особую важность на современном этапе в меняющихся культурных условиях, на фоне нарастания и усложнения потоков разнообразной информации. Одним из проявлений указанной тенденции являются «войны памяти», начавшиеся во многих регионах планеты вследствие появления и распространения заведомо искажённых версий историко-культурных событий. Будучи связанными, помимо прочего, с пересмотром военно-исторических аспектов прошлого, эти «войны» зачастую сопровождаются уничтожением, переносом и неорганическими трансформациями соответствующих прежним установкам памятных мест. Войны памяти в некоторых случаях принимают тотальный характер и порой угрожают национальной безопасности России и вопросам сохранения исторической памяти и трансляции «культурного кода».

Эффективным средством противостояния вмешательствам, которые негативно интерпретируют значимые периоды российской истории и деформируют историческую память, а потому представляют, согласно разделу II Основ государственной культурной политики Российской Федерации, один из опасных факторов для будущего страны [22], выступает культивация и «закрепление» представлений о военном прошлом, соответствующих исторической правде и российским национальным интересам, – включая поддержание определенного набора мест памяти (как в России, так и за рубежом) и его дальнейшее расширение. Чтобы сохранить системообразующие аксиологические установки отечественной культуры и обеспечить их межпоколенную трансляцию для того, чтобы память о прошлом (в том числе и о военном прошлом) была более «осязаемой», необходима научно-обоснованная и планомерная деятельность по части фиксации, сохранения и адекватной «подачи» соответствующих мест памяти разного рода и масштаба. Особенно актуальна указанная деятельность для Крымского полуострова, региона со сложным культурогенезом, который не раз был опалён большими войнами и в котором сохраняется множество следов военного воздействия, – представляющих собой выраженные или потенциальные места памяти. Выявление различных повреждений, причинённых памятникам, позволяет ярко проиллюстрировать большие исторические события. По замечанию итальянского историка Д. Леви, «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [цит. по: 23, с. 661]; будучи правильно поданной, даже небольшая «щербинка», деталь, эпизод могут стать важными историческими свидетельствами.

Список литературы

1. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающие» артефакты: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник, 2019. № 6 (111). С. 176–183.
2. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник

- Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2017. № 4 (33). С. 76–80.
3. Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1983.
 4. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефактов // Ярославский педагогический вестник, 2020. № 1 (112). С. 196–203.
 5. Бакланов Г. Я. Пядь земли // Бакланов Г. Я. Навеки – девятнадцатилетние: Повести. Москва: Известия, 1988. С. 5–154.
 6. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н.Е. Копосов. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 19–52.
 7. Зверев В. В. О толковании основных терминов научной реставрации // Художественное наследие, 1989. Внеоч. вып. С. 44–60.
 8. Ахматова А. А. «Где дремала пустыня – там ныне сады...» // Ахматова А. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1 / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королёвой. М.: ЭллисЛак, 1999. С. 139.
 9. Буш П. Д. Мемориальная консервация и музеефикация руин, ставших следствием военных действий на территории Российской Федерации и постсоветского пространства // Современная архитектура мира, 2019. № 2 (13). С. 304–316.
 10. Ищенко Э. С. Православные культовые сооружения Севастополя (конец XVIII – начало XX века) // Учёные заметки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, 2012. Т. 25 (64), № 2. С. 106–115.
 11. На Владимирском соборе Севастополя «не было живого места» от пуль и осколков // Новости Севастополя. URL: <http://sevastopol-news.com/society/2013/10/17/4179.html> (дата обращения: 01.09.2022).
 12. Веникеев Е. В. Севастополь и его окрестности. Москва: Искусство, 1986. 175 с.
 13. Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944-1953) // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 2012. Т. 25 (64), № 2. С. 204–216.
 14. Белик Ю. Л., Лютов Е. Е., Зимнухов Р. А. Оборонительные сооружения времен Великой Отечественной войны на территории Керченской крепости // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». К 75-летию освобождения Крыма и Керчи от немецко-фашистских захватчиков. 25–28 февраля 2019 г. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. С. 183–187.
 15. Из переписки с ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Письмо от 04.05.2022 г. № 20/932.
 16. Щербак С. М. Легендарный Аджимушкай: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1989.
 17. Онищенко П. Н., Карайченцева К. Д. Окружены, но не сломлены! Памятни-

- ки архитектуры, уцелевшие во время второй обороны Севастополя // Кузница великой Победы. Материалы дистанционной Всероссийской научно-практической конференции (сборник научных статей). Севастополь: ИнТех, 2020. С. 343–351.
18. Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь; Киев: ДС Стрим, 2004.
 19. Сибиряков И. В. Выжившие среди прошлого: судьба дореволюционных памятников в советском Севастополе // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2016. № 4 (12). С. 63–72.
 20. Журавлёва Н. С. «Работали топорами и минимальным пожарным инвентарём...». Неизвестные факты спасения севастопольской панорамы // Военно-исторический журнал, 2018. № 12. С. 62–67.
 21. Леонов И. В., Грусман Я. В., Кириллов И. В. Памятник с военным «шрамом»: практики сохранения и экспонирования (с опорой на материалы Центрального Военно-морского музея) // Ярославский педагогический вестник, 2021. № 4 (121). С. 185–193.
 22. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 01.09.2022).
 23. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003-2006. Т. 2: Образы прошлого. 2006.

Сведения об авторах

Леонов Иван Владимирович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Кириллов Игорь Викторович – магистрант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (направление «культурология»), г. Санкт-Петербург.

E-mail: os84@yandex.ru

Leonov I. V., Kirillov I. V.

ARTIFACTS WITH MILITARY «SCARS» AND THEIR STATUS IN RUSSIAN CULTURE: ON THE EXAMPLE OF THE MONUMENTS OF SEVASTOPOL AND THE REPUBLIC OF CRIMEA

Annotation: The presented article is devoted to the study of the features of artifacts that bear the traces of the impact of wars. These influences, which are embedded in the organics and

«semantic aura» of cultural heritage monuments, largely contradict their nature. On this basis, many practices of working with marks that monuments receive during wars and armed conflicts are aimed at removing these traces and returning artifacts to their «reference» state. However, the «scars» of war, which sometimes contain artifacts, can act as «places of memory», telling about significant aspects of the historical and cultural past. An artifact with a trace of military influence can witness significant events, which complicates the historical and cultural structure of these monuments. On the example of the monuments of Sevastopol and the Republic of Crimea, the main strategies used in working with cultural heritage objects bearing military markings are characterized. It is pointed out the importance of preserving some traces of wars on cultural heritage monuments for fixing places of memory and implementing commemorative practices in the interests of preserving national historical memory and countering interventions aimed at blurring the Russian historical and cultural matrix.

Keywords: *historical and cultural heritage; Crimea; Sevastopol; Crimean War; Great Patriotic War; «place of memory»; trace of the war.*

References

1. Leonov I. V., Kirillov I. V. «Stradayushchie» artefakty: osnovnye formy voploshchenij i osobennosti vospriyatiya [«Suffering» artifacts: the main forms of incarnations and features of perception] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2019. № 6 (111). P. 176–183.
2. Suvorov N. N. Pamyatnik kul'tury kak voobrazhaemaya real'nost' [Cultural monument as an imaginary reality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2017. № 4 (33). P. 76–80.
3. Venikeev E. V. Arhitektura Sevastopolya: Putevoditel' [Architecture of Sevastopol: A guide]. Simferopol': Tavriya, 1983.
4. Leonov I. V., Kirillov I. V. «Stradanie» kak forma bytovaniya artefaktov [«Suffering» as a form of existence of artifacts] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2020. № 1 (112). P. 196–203.
5. Baklanov G.Ya. Pyad' zemli [A span of land] // Baklanov, G.Ya. Naveki – devyatnadcatiletnie: Povesti [Forever – nineteen-year-olds: Stories]. Moskva: Izvestiya, 1988. P. 5–154.
6. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problems of memory locations] // Franciya-pamyat' [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; Per. s fr. D. Hapaevoj; Nauch. kons. per. N.E. Koposov. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. P. 19–52.
7. Zverev V. V. O tolkovanii osnovnyh terminov nauchnoj restavracii [On the interpretation of the main terms of scientific restoration] // Hudozhestvennoe nasledie, 1989. Vneoch. vyp. P. 44–60.

8. Ahmatova A. A. «Gde dremala pustynya – tam nyne sady...» [«Where the desert slumbered, there are gardens now...»] // Ahmatova, A.A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Collected works in 6 vols .] T. 2. V 2 kn. Kn. 1 / Sost., podgot. teksta, komment. i stat'ya N. V. Korolyovoj. Moskva: EllisLak, 1999.
9. Bush P. D. Memorial'naya konservaciya i muzeefikaciya ruin, stavshih sledstviem voennyh dejstvij na territorii Rossijskoj Federacii i postsovetskogo prostranstva [Memorial conservation and museumification of ruins resulting from military operations on the territory of the Russian Federation and the post-Soviet space] // *Sovremennaya arhitektura mira*, 2019. № 2 (13). P. 304–316.
10. Ishchenko E. S. Pravoslavnye kul'tovye sooruzheniya Sevastopolya (konec XVIII – nachalo XX veka) [Orthodox religious buildings of Sevastopol (late XVIII – early XX century)] // *Uchyonye zametki Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, 2012. T. 25 (64), № 2. P. 106–115.
11. Na Vladimirskom sobore Sevastopolya «ne bylo zhivogo mesta» ot pul' i oskolkov [At the Vladimir Cathedral of Sevastopol «there was no living place» from bullets and shrapnel] // *Novosti Sevastopolya* [Sevastopol News]. URL: <http://sevastopol-news.com/society/2013/10/17/4179.html> (дата обращения: 01.09.2022).
12. Venikeev E.V. Sevastopol' i ego okrestnosti [Sevastopol and its surroundings]. Moskva: Iskusstvo, 1986.
13. Sokolov A. A. Pamyatniki istorii i kul'tury Kryma: sostoyanie, ohrana, restavraciya (1944-1953) [Historical and cultural monuments of Crimea: condition, protection, restoration (1944-1953)] // *Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, 2012. T. 25 (64), № 2. 2012. P. 204–216.
14. Belik Yu.L., Lyutov E. E., Zimnuhov R. A. Oboronitel'nye sooruzheniya vremen Velikoj Otechestvennoj vojny na territorii Kerchenskoj kreposti [Defensive structures of the Great Patriotic War on the territory of the Kerch Fortress] // *Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Voенно-istoricheskie chteniya». K 75-letiyu osvobozhdeniya Kryma i Kerchi ot nemecko-fashistskih zahvatchikov* [Materials of the VII All-Russian scientific and practical conference «Military-historical readings». On the 75th anniversary of the liberation of Crimea and Kerch from the nazi invaders]. 25–28 fevralya 2019 g. Simferopol': Biznes-Inform, 2019. P. 183–187.
15. Iz perepiski s GBU RK «Vostochno-Krymskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik» [From correspondence with the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea «East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»] Pis'mo ot 04.05.2022 g. № 20/932.
16. Shcherbak S. M. Legendarnyj Adzhimushkaj: Putevoditel' [The legendary Ajimushkai: A Guide]. Simferopol': Tavriya, 1989.
17. Onishchenko P. N., Karajchenceva K. D. Okruzheny, no ne slomleny! Pamyatniki arhitektury, uceleвшie vo vremya vtoroj oborony Sevastopolya [Surrounded, but not broken! Architectural monuments that survived during the second defense

- of Sevastopol] // Kuznica velikoj Pobedy. Materialy distancionnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (sbornik nauchnyh statej) [The Forge of the Great Victory. Materials of the remote All-Russian Scientific and practical conference (collection of scientific articles)]. Sevastopol': InTekh, 2020. P. 343–351.
18. Shavshin V. G. Kamennaya letopis' Sevastopolya [Stone Chronicle of Sevastopol]. Sevastopol'; Kiev: DS Strim, 2004.
 19. Sibiriyakov I. V. Vyzhivshie sredi proshlogo: sud'ba dorevolucionnyh pamyatnikov v sovetskom Sevastopole [Survivors among the past: the fate of pre-revolutionary monuments in Soviet Sevastopol] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki, 2016. № 4 (12). P. 63–72.
 20. Zhuravlyova N. S. «Rabotali toporami i minimal'nym pozharnym inventaryom...». Neizvestnye fakty spaseniya sevastopol'skoj panoramy [«They worked with axes and minimal fire equipment...». Unknown facts of the Sevastopol Panorama rescue] // Voенно-istoricheskij zhurnal, 2018. № 12. P. 62–67.
 21. Leonov I. V., Grusman Ya. V., Kirillov I. V. Pamyatnik s voennym «shramom»: praktiki sohraneniya i eksponirovaniya (s oporoj na materialy Central'nogo Voенно-morskogo muzeya) [Monument with a military «scar»: preservation and exhibition practices (based on the materials of the Central Naval Museum)] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2021. № 4 (121). P. 185–193.
 22. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. № 808) [Fundamentals of the State Cultural Policy (approved by Decree of the President of the Russian Federation № 808 of December 24, 2014)] // Prezident Rossii [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 01.09.2022).
 23. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: v 2 t. [Knowledge of the Past: Theory and History: in 2 vols.]. Sankt-Peterburg: Nauka, 2003–2006. T. 2: Obrazy proshlogo. 2006.

Leonov Ivan Vladimirovich – doctor of Culturology, docent, professor of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Kirillov Igor Viktorovich – master's student of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture (direction «cultural studies»), St. Petersburg.

E-mail: os84@yandex.ru